

Николай Лесков

Пигмей

Праведники

Николай Лесков

Пигмей

«Public Domain»

1876

Лесков Н. С.

Пигмей / Н. С. Лесков — «Public Domain»,
1876 — (Праведники)

«Расскажу вам одно истинное событие, о котором недавно вспомнили в одном скромном кружке, по поводу замечаемого нынче чрезмерного усиления в нашем обществе холодного и бесстрастного эгоизма и безучастия. Некоторым из собеседников казалось, что будто прежде так не было, — им сдавалось, будто еще и в недавнее время сердца были немножко потеплее и души поучастливее, и один из собеседников, мой земляк, пожилой и весьма почтенный человек...»

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Лесков

Пигмей

Расскажу вам одно истинное событие, о котором недавно вспомнили в одном скромном кружке, по поводу замечаемого нынче чрезмерного усиления в нашем обществе холодного и бесстрастного эгоизма и безучастия. Некоторым из собеседников казалось, что будто прежде так не было, – им сдавалось, будто еще и в недавнее время сердца были немножко потеплее и души поучастливее, и один из собеседников, мой земляк, пожилой и весьма почтенный человек, сказал нам:

– Да вот как, господа: я сейчас еще знаю у нас в губернии одного старичка, самого мелкопоместного дворянина, настоящего пигмея, который никогда в жизни не играл никакой значительной роли, а между тем он, живучи здесь в Петербурге, по одному благородному побуждению, сделал раз такое дело, что этому даже, пожалуй, и поверить трудно. И если я вам это расскажу, так вы увидите, что может сделать для ближнего самый маленький человек, когда он серьезно *захочет* помочь ему; – наше нынешнее горе в том, что никто ничего не хочет сделать для человека, если не чает от этого себе выгоды.

И рассказчик сообщил нам следующее.

Глава первая

Мелкопоместный дворянин, о котором я говорю, назывался С***, он еще здравствует и доживает свой век в своем маленьком хуторочке в К. уезде. Прежде чем состариться, он служил здесь в Петербурге в ведомстве с. – петербургской полиции и на самом ничтожном месте: на обязанности его лежало распоряжаться исполнением публичных телесных наказаний. В то сравнительно весьма недавнее время у нас на святой Руси людей непривилегированного класса секли плетями и клеймили. За свою долговременную службу нынешний старичок С., разумеется, «привел в исполнение» этих наказаний такое бесчисленное множество, что совершенно привык к такому неприятному занятию и распоряжался этим холодно и бестрепетно, как самым обыкновенным служебным делом. Но вот раз с ним случилось такое событие, что он сам себе изменил и, по собственным его словам, «вместо того, чтобы благоразумно долг свой исполнить – наделал глупостей».

Событие это произошло в 1853 г., когда русские отношения к Франции были очень натянуты и в столице сильно уже поговаривали о возможности решительного разрыва. В это время раз чиновнику С. передают «для исполнения» бумагу о наказании плетями, через палача, молодого француза N, осужденного к этому за самый гадкий поступок над малолетней девочкой. Я не назову вам этого француза, потому что он жив и довольно известен; а как его имя берегла от оглашения скромность «пигмея», то и я не великан, чтобы его выдать.

– Прочел, – говорит С., – я эту бумагу, пометил, и что же еще тут долго думать: отшлепаем молодца яко старца, да и дело с концом; и я дал в порядке приказ подрядчику, чтобы завтра эшафот на площади сладить, а сам велел привести арестанта, чтобы посмотреть на него: здоров ли он и можно ли его безопасно подвергнуть этой процедуре.

Приводят человека такого тщедушного, дохлого; бледный, плачет, дрожит и руки ломает, а сам все жалостно лепечет.

– Ах ты, думаю, господи боже мой: надо же было ему, этакому французскому поганцу, сюда заехать и это такое пакостное дело здесь учинить, чтобы мы его тут на свой фасон как сидорову козу лупили.

И вдруг жаль мне его стало.

– Что, говорю, ты это себе наделал! Как ты дерзнул на бедное дитя покуситься...

А он падает в ноги, ручонки в кандалах к небу поднимает, гремит цепями и плачет.

– Мусье, мусье! Небо видит...

– Что, говорю: «Небо»! нечего теперь, братец, землю обесчестивши, на небо топыриться, – готовься: завтра экзекуция, – что заслужил, то и примешь.

– Я, говорит, занапрасно (он, три года в остроге сидя, таки подучился немножко по-русски).

– Ну, уже это, говорю, мон ами, врешь, – занапрасно бы у нас тебя не присудили: суд знает, за что карает.

– Ей-богу, говорит, занапрасно... вот бог, дье, дье меня убей... и тому подобное, и так горько, так горько бедный плачет, что всего меня встревожил. Много я в своей жизни всяких слез перед казнью видел, но а этаких жарких, горячих да дробных слез, право, не видал. Так вот и видно, что их напраслина жмет...

– Ну, а мне-то, скажите, – что же я, пигмей, могу ему сделать? – мое дело одно, что надо его отпороть, заклеить, да сослать «во исполнение решения», вот и все, и толковать тут не о чем. И я кивнул часовым, чтобы взяли его, потому что для чего же мне его держать, – и самому тревожиться, и его напрасно волновать раньше времени.

– Ведите, говорю, его назад в тюрьму.

Но он, как услышал это, так обхватил мою ногу руками и замер: а слезы или лицо это у него такое горячее, что даже сквозь сапог мою ногу жжет.

– Тьфу, провались ты совсем, думаю, вот на горе свое я с ним разговаривал: и никак его с ноги стряхнуть не могу; а самому мне в ухо вдруг что-то шептать начало: «расспроси его, расспроси, послушай, да заступись».

– Ну, чего тут, помилуйте, заступаться мне, ничтожному исполнительному чиновнику, когда дело уголовным судом решено и уже и подрядчику, и смотрителю насчет палача приказ дан. Какие тут заступничества? А оно, это что-то незримое, знай все свое в ухо шепчет: «расспроси, заступись».

Я и соблазнился: заступаться, думаю, я хоть и не буду, а расспросить, пожалуй, расспрошу.

– Валяй, говорю, рассказывай по всей истине, как дело было! Да только смотри – не ври.

Глава вторая

Он мне, сколько ему позволяли слезы и рыдания, рассказал, что жил он на Морской у парикмахера; туда ходила к ним, к стригачам, от прачки девочка, двенадцати – не то тринадцати лет, – очень хорошенькая. И говорит, что она не то на его сестренку или, как там по-ихнему, на кузинку его какую, что ли, очень похожа была. Ну, а он, это, знаете, как француз... ну, разумеется, со вкусом тоже и фантазией: нравится ему дитя, – он ей нынче бантик, завтра апельсинчик, после рубль, или полтинничек, бомбошки – все баловал ее. Говорит, без всякой будто цели; а мать-то ее пройдоха была: зазвала его к себе да с девчонкою их и заперла, а девчонку научила ему рожу расцарапать, да кричать, будто ее страшно обидеть хотел. Сбежался народ, акт составили, в тюрьму, – в тюрьме три года продержали и к плетям, да к ссылке присудили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.